

К вопросу о распределении русских пассивных форм по виду

Д. И. Коломацкий

1. Постановка задачи

Видовые характеристики глагола пользуются заслуженной популярностью у лингвистов, пытающихся объяснить дистрибуцию русских пассивизаторов. Обозревая картину русского страдательного залога, сложно не отметить, что между возвратными глаголами и страдательными причастиями есть различия в плане их акциональных и видовых характеристик. Например:

- (1) а) Заказанная работа **выполняется** крайне медленно.
- б) Заказанная работа **была выполнена** за десять дней.

В примере а) представлен несовершенный вид, а в примере б) — совершенный вид.

На основании подобных примеров многие лингвисты делают вывод о том, что в русском языке имеет место дистрибуция пассивных форм или образующих глаголов по виду. Эта точка зрения отстаивается в большом числе работ, как отечественных ([Грамматика русского языка 1970: 352], [Милославский 1978], [Зализняк 1980], [Русская грамматика 1980, т. II: 643], [Князев и Недеялков 1985], [Пупынин 1991], [Гаврилова 1998], [Буланин 2001], [Смолянинова 2001], [Копосов 2003]¹), так и западных ([Unbegaun 1975], [Timberlake 1976], [Aijmer 2002], [Blevins 2003], [Björklund 2003]).

Нельзя не заметить, что во многих исследованиях не рассматриваются имперфективные причастия на *-м-* — они зачастую просто исключаются из дистрибуции. Как утверждает М. И. Стрельцова, именно эти два типа причастий изначально были распределены по виду образующего глагола, а появившиеся позже пассивные возвратные глаголы разрушили эту систему [Стрельцова 1978: 214 и далее].

Основной задачей настоящей работы является установить, действительно ли вид может служить основанием для распределения русских пассивных форм; также будет рассмотрен акциональный ярлык словоформы (это понятие будет определено ниже). Основанием для введения в рассмотрения этого параметра является точка зрения, отражённая, в частности, в работе [Vertinnetto & Delfitto 2000], согласно которой в русском языке противопоставление форм СВ и НСВ отражает не столько оппозицию собственно перфективности/имперфективности, сколько оппозицию завершённости /незавершённости. В самом деле, в паре примеров (1) представлено, соответственно, незавершённое и завершённое действие. В русском языке гораздо реже, чем, например, во французском, встречаются случаи употребления форм СВ для незавершённых действий (исключение — непредельные процессы: *Я погулял* может означать, что говорящий продолжает гулять) и форм НСВ для завершённых (исключение — *praesens historicum*). Исходя из всего этого, представляется целесообразным рассмотреть и акциональные характеристики словоформ на предмет их возможного влияния на дистрибуцию русских пассивных форм.

Раздел 2 содержит теоретические установки, которые будут использованы в данной работе; в разделе 3 приводятся собственно результаты статистического исследования: в подразделе 3. 1 содержится краткое описание базы данных, подразделы 3. 2 и 3. 3 содержат статистику распределения русских пассивных форм по виду и акциональности соответственно. Выводы содержатся в разделе 4.

¹ Автор также утверждает, что от глаголов НСВ образуются исключительно прилагательные.

2. Теоретические установки

Прежде чем обратиться к статистическим данным, определим ряд понятий, необходимых для дальнейших рассуждений. Пожалуй, для всей русской аспектологии ключевыми являются понятие **видовой пары** и предшествующий определению пары вопрос **инварианта** совершенного и несовершенного вида. Темой инварианта занимались, в частности, Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв [Зализняк Анна, Шмелёв 2000], А. В. Бондарко [Бондарко 1998, 2001] М. Я. Гловинская [Гловинская 1989 и 1998], Е. В. Падучева [Падучева 1996], Н. В. Перцов [Перцов 1999, 2001]. На данный момент можно взять на себя смелость утверждать, что некое общее представление об инварианте двух русских видов уже сформировалось, и различие осталось в основном в терминах (то же самое с некоторой натяжкой можно сказать об акциональных классах, о которых речь пойдёт ниже).

Применительно к инварианту совершенного вида, безусловно, идут ещё споры на тему компонентов перфективности (см. на эту тему [Гловинская 1998] и [Плунгян 1998]), но в общем и целом исследователи согласны, что главное значение совершенного вида — **событийное**, или **конкретно-фактическое** (термин Анны Зализняк и А. Д. Шмелёва):

- (2) Иван **уехал** за границу, **поступил** в университет; через год он **вернётся** и **женится** на Марии. [Зализняк Анна А., Шмелёв 2000: 19]

Главным значением несовершенного вида называется **процессное**, или **актуально-длительное**:

- (3) Не мешай, я **работаю**.
(4) Когда я вошёл, жена **накрывала** на стол, а сын **лежал** на диване и **читал** книгу.

[Зализняк Анна А., Шмелёв 2000: 21]

После того, как определены главное и периферийные значения совершенного и несовершенного вида, обычно приступают к определению **видовой пары** — пары глаголов СВ и НСВ. При этом используется критерий Маслова, который предполагает замену форм СВ на формы НСВ в двух типах искусственных контекстов: *praesens historicum* и итератива:

- (5) а) Он **пришёл**, **плюнул** на пол и **ушёл**.
б) Он **приходит**, **плюёт** на пол и **уходит**.
в) Он каждый раз **приходит**, **плюёт** на пол и **уходит**.

Помимо проявляющегося в вышеописанных контекстах событийного значения, у имперфективного члена видовой пары обычно бывает ещё какое-либо другое значение. По типу этого значения выстраивается классификация видовых пар.

Понятия **акционального ярлыка** и **акционального класса** восходит к известным исследованиям Зено Вендлера о типах ситуаций, обозначаемых глаголом. Далее эту тему применительно к русским глаголам развивали многие отечественные лингвисты, в числе которых Е. В. Падучева (понятие Т-категории, см. классификацию в [Падучева 1998]), Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв, среди западных теорий наиболее известна классификация глаголов в рамках референциально-ролевой грамматики ([Foley & van Valin 1984], [van Valin, в публикации]). Существуют и типологические работы на эту тему, одна из которых и послужила источником предлагаемой в диссертации терминологии — это работа С. Г. Татевосова [Татевосов 2005]. Новшеством в этой работе стало введение понятия **акционального ярлыка**, элемента более низкого уровня, чем акциональный класс. Это позволило проводить статистическое исследование с большей степенью подробности и выявить интересные свойства пассивизаторов.

Предлагается приписывать классы так называемым глагольным основам (это понятие объединит в себе, например, лексемы *есть* и *съесть*), а определять эти классы через акциональные ярлыки: на уровне словоформ имперфективной (презент) и перфективной (претерит) словоформам одной глагольной основы приписывается по ярлыку. Пара ярлыков и определит акциональный класс. Всего акциональных ярлыков пять, первые два из которых неопредельные, вторые два — предельные; последний ярлык занимает особое место.

1. Состояние
2. Процесс
3. Вхождение в состояние
4. Вхождение в процесс
5. Мультипликативный процесс: состоит из выделимых квантов, но воспринимающийся как единое целое (*кашлянуть* — *кашлять* — *покашлять*). Мультипликативность, в отличие от итеративности, является лексическим свойством, так как сохраняется у всех словоформ.

В работе также используется ярлык «итератив» — условный ярлык, присутствующий, например, в имперфективных дериватах от моментальных глаголов, не допускающих в НСВ актуального или процессуального значения (*взорваться* — *взрываться*).

На основе пар акциональных ярлыков, как было уже сказано, выделяются акциональные классы. Не будем останавливаться на этой классификации, поскольку в настоящей работе она не используется: акциональный класс меньше влияет на распределение русских пассивных форм, нежели акциональный ярлык.

Наконец, нам следует выбрать для работы определение пассива. Это определение мы заимствуем из типологического исследования К. И. Казенина [Kazenin 2001: 899], использующего переработанное определение М. Хаспельмата [Haspelmath 1990: 27]. Мы будем считать конструкцию пассивной, если:

- 1) используемая в конструкции глагольная форма каким-либо образом морфологически образована от формы, используемой в немаркированной (активной) конструкции;
- 2) деятель¹ не выражен или выражен факультативным косвенным дополнением при производной глагольной форме;
- 3) субъект, если таковой присутствует, не является деятелем;
- 4) конструкция каким-либо образом ограничена в своей дистрибуции по отношению к немаркированной (активной) конструкции;
- 5) пропозиционная семантика конструкции идентична пропозиционной семантике конструкции немаркированного (активного) залога; в частности, число партиципантов и их роли не меняются

Теперь, когда теоретические понятия определены, обратимся к статистическому исследованию.

3. Статистическое исследование

3. 1. Описание базы данных

База данных русских пассивных форм и лексем была сформирована на базе двух корпусов: Уппсальского корпуса (на базе проекта университета г. Тюбинген «Тюбингенские корпуса русских текстов», главная страница поиска находится по следующей ссылке: <http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/rus/korpora.html>) и

¹ Гиперроль, объединяющая роли Агенса, Причины, Адресата. Подробнее об этом см. [Dowty 1991], [Кибрик 1997, 2003].

Национального корпуса русского языка (<http://corpora.yandex.ru>). Всего в выборке **5961** предложение. Состав её следующий:

- ♦ предложения с возвратными глаголами (простой поиск по маске ‘*ся’ с ручной фильтрацией) — 3154 предложения;

- ♦ предложения с пассивными причастиями (поиск по корпусам с морфологической разметкой и снятой омонимией) — 2807 предложений, из которых 993 с причастиями на *-м-*, 1814 — с причастиями на *-н-/-т-*.

Несмотря на то, что для пассивных причастий поиск проводился по морфологическим характеристикам, результаты не всегда соответствовали ожиданиям. Так, изначально предполагалось, что в выборку причастий на *-н-/-т-* поровну войдут перфективные и имперфективные причастия, но даже поиск по маске «несовершенный вид» выдал большое количество перфективных причастий. Кроме того, в ряде случаев встретившееся слово нельзя было считать причастием; известны также случаи непассивных употреблений страдательных причастий.

На основе всех трёх частей выборки была сформирована таблица глаголов, в которую вошли все глаголы базы, образующие пассив (например, для вхождения причастия *построен* был создан вход *построить*) — то есть все глаголы, за исключением производных возвратных глаголов. В таблице глаголов содержится 1611 лексем. Затем эти лексемы были сгруппированы по глагольным основам (так, глагол *строить* и глагол *построить* были объединены в один вход *строить* главной таблицы глагольных основ)¹, таблица глагольных основ (1421 запись). Форма глагольных основ содержит подчинённую форму глаголов.

3. 2. Проверка возможного распределения по виду

Прежде чем мы дадим ответ на вопрос, существует ли распределение пассивизаторов по виду, рассмотрим ряд более частных вопросов, касающихся каждого средства образования страдательного залога в отдельности.

Возвратные глаголы

Применительно к постфиксу *-ся* основным предметом споров является возможность образования совершенного вида от возвратных глаголов в пассиве. Как уже было сказано, многие лингвисты придерживаются той точки зрения, что в подавляющем большинстве случаев совершенного вида у глаголов на *-ся* с пассивным значением не существует, и проблема поиска основания дистрибуции пассивных форм оказывается решена: все имперфективные пассивные формы образуются с помощью постфикса *-ся*, все перфективные — с помощью страдательных причастий. Напротив, в работе [Harrison 1967] содержится список классов пассивных возвратных глаголов совершенного вида. Возвратный перфективный пассив также защищает в своей работе Н. В. Перцов [Перцов 2003]. В помощь себе автор привлекает принцип разграничения грамматических и синтаксических факторов в определении приемлемости высказываний: высказывание может быть грамматично, но не употребляться из-за неприемлемого сочетания значений или стилистической окраски. Подобные высказывания с точки зрения грамматики всё равно надо считать допустимыми. В том числе и за счёт этого соображения происходит «реабилитация» возвратного перфективного пассива. Автор утверждает, что он успешно занимает свою нишу в наборе средств

¹ То, что за вход в таблице глагольных основ были взяты имперфективные члены пар, не является следствием каких-либо теоретических установок автора в области вида. Впрочем, точка зрения о немаркированности именно несовершенного вида достаточно популярна (см. напр. [Исаченко 1960], [Бондарко 2004]).

выражения пассива, поскольку финитная пассивная форма, в отличие от аналитической (причастной) создаёт акцент на процесс, на **акциональное**, в противоположность **статальному**, значение. О возвратных глаголах СВ можно найти упоминание и в более ранних работах; так, У. Харрисон даже предлагает семантическую классификацию пассивных возвратных глаголов СВ [Harrison 1967: 17 — 20].

Статистика корпуса, приведённая в данном исследовании, показывает: возвратный перфективный пассив существует, и доля его сравнительно велика¹.

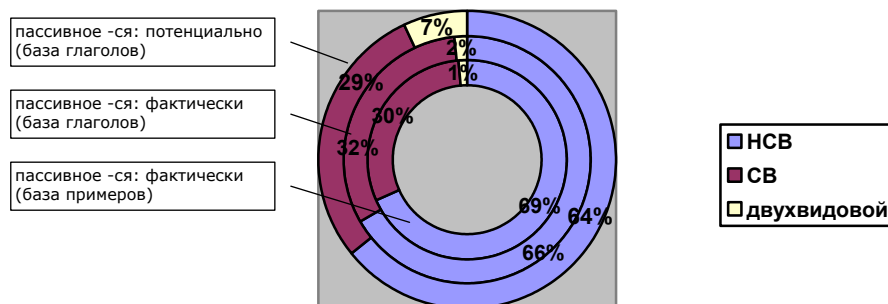

Диаграмма 1. Пассивный -ся

Видно, что доля глаголов совершенного вида среди всех глаголов велика; доля глаголов СВ вообще в базе, безусловно, выше (41%), но уровень тридцати процентов глаголов совершенного вида сохраняется и для пассивного -ся. Безусловно, нельзя не заметить, что именно у выборки глаголов и примеров с пассивным -ся самая небольшая доля совершенного вида из всех выборок; но доля возвратного перфективного пассива весьма значительна.

Впрочем, если считать пассивными только те примеры, в которых присутствует агентивное дополнение в творительном падеже (что не представляется оправданным, хотя такая точка зрения весьма популярна), то доля ВПП резко упадёт, но тем не менее, как показывает статистический анализ, останется на уровне около 15%². Вот один из примеров на ВПП с творительным падежом агентивного дополнения:

(6) Впервые перешагнут вузовский порог 654 тысячи юношей и девушек — столько же, как и в прошлом году. **Кем пополнилась** студенческая семья? (Право выбирать и лекции и ректора. "Известия", 88-08-29. НКРЯ)

Даже при подобном подходе, суживающем до предела рамки пассива, имеются контрпримеры. Если же учесть и другие способы выражения агентивного дополнения (более подробно об этом — в главе 5), мы наблюдаем следующие результаты по базе примеров:

¹ На диаграммах ниже: фактическая встречаемость — наличие примера в корпусе, потенциальная — возможность образовать пассив тем или иным способом, при этом необязательно, чтобы пример присутствовал в корпусе.

² При этом, как мы покажем уже за рамками этого раздела, агентивное дополнение может выражаться не только творительным падежом.

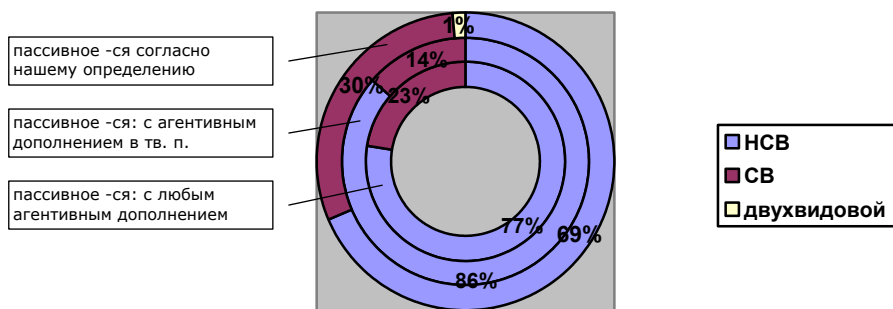

Диаграмма 2. Пассивный -ся и агентивное дополнение

Результаты, пожалуй, говорят сами за себя: ВПП существует при любом понимании пассива. В то же время глаголы НСВ всё же имперфективны в большинстве случаев — таким образом, если распределение существует, то оно не может быть дополнительным; но в качестве отклонений от средних частот оно может существовать.

Страдательные причастия на -н-/-т-

В этом подразделе мы рассмотрим два основных вопроса, касающихся соотношения употребления страдательных причастий прошедшего времени и категории вида. С одной стороны, нам будет интересно распределение самих причастий по виду; с другой стороны, любопытно посмотреть на то, как распределены по виду сами глаголы, образующие причастие на -н-/-т-. В этом особенность данных причастий, поскольку, например, для возвратных глаголов по понятной причине такой дихотомии не существует.

Первый вопрос содержит более простой мотив, нежели второй: нам всего лишь нужно проверить, действительно ли причастия, принадлежащие к НСВ, малочисленны, ведь в литературе первенство всегда отдаётся именно совершенному виду как отражению главной функции причастия: фиксации состояния или результата действия. Логично тогда предположить, что причастия на -н-/-т- несовершенного вида должны быть явлением относительно маргинальным.

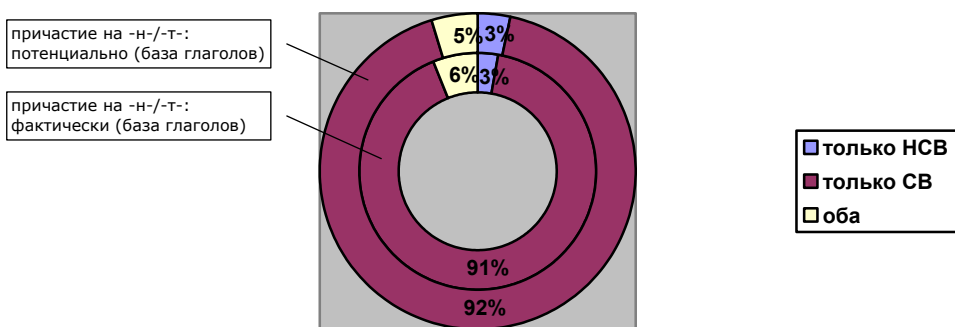

Диаграмма 3. Вид страдательных причастий на -н-/-т-: база глаголов

Итак, мы видим, что совершенный вид действительно преобладает среди причастий; очень интересны случаи, когда глагол способен образовать и причастие совершенного, и причастие несовершенного вида. Но такие случаи не являются опровержением каких-либо гипотез, поскольку автору неизвестна точка зрения, что глагол может образовать причастие только одного типа. Правда, это действительно преобладает, и случаев образования причастий двух разных видов встретилось всего пятьдесят. В любом случае, гипотезу о том, что причастия совершенного вида преобладают, можно считать подтвердившейся.

Большой интерес представляет второй вопрос — о том, каково распределение по виду самих глаголов, образующих причастие на -н-/-т-. Из того, насколько

совершенный вид превалирует в базе самих причастий, можно сделать предположение, что страдательное причастие образуется от глаголов совершенного вида (эта гипотеза, как мы видели, в лингвистической литературе встречается очень часто). Представляется, что статистические данные именно по этому аспекту распределения причастий на *-н-/-т-* по виду будет особенно любопытны для исследователя.

Рассматривалось несколько вариантов образования страдательного причастия прошедшего времени:

1. Причастие может со всей очевидностью образовано **от одной из основ** — несовершенного или совершенного вида: *арестовывать / арестовать* — *арестованный*;
2. Неясно, от какой именно основы образовано причастие, поскольку **обе основы подходят на роль образующей**. Это происходит либо в случае двухвидовых глаголов (*арендовать*), либо когда основа заканчивается и в НСВ, и в СВ на одну и ту же согласную (*видоизменять / видоизменить*);
3. Неясно, от какой именно основы образовано причастие, поскольку **ни одна из основ не подходит на роль образующей**. Ярких примеров такого рода относительно немного (*сжигать / сжечь* — *сожжённый*), в основном речь идёт о случаях, когда причастие нельзя образовать от основы путём простого присоединения суффикса *-н-* или с помощью продуктивной модели фонетического чередования (*накопить* — *накопленный*).

На основе приведённой классификации были получены следующие статистические данные:

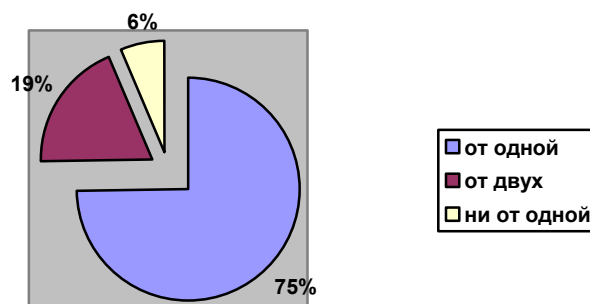

Диаграмма 4. Возможность установить, от какой основы образовано причастие

Следующим шагом должен был стать ответ на вопрос, **от какой именно** из основ образуется страдательное причастие прошедшего времени. Вопрос о том, считать ли причастие образованным от основы НСВ или СВ, важен в теоретическом плане — он непосредственно влияет на наше представление о суффиксе *-н-/-т-*: он или будет считаться перфективизатором, или нет. Даже если, как В. А. Плунгян [Плунгян 1989], рассматривать альтернативу называть этот суффикс показателем результата (а не более общо перфективизатором), то по-настоящему показателем результата суффикс может быть только тогда, когда он образует причастие от глагола несовершенного вида, поскольку глагол совершенного вида в силу инвариантного значения СВ некоторым образом содержит компонент результативности.

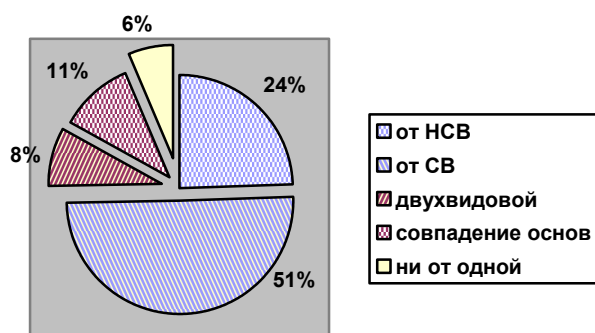

Диаграмма 5. Более подробное разделение

В том случае, если бы причастие чаще всего образовывалось от какой-либо из основ (НСВ или СВ), отдельно стояло бы всего лишь около одной десятой доли от числа основ в базе — именно столько встретилось двухвидовых глаголов. Но, как мы наблюдаем, ситуация неоднозначная. Приблизительно в два раза чаще причастие образуется уже от основы совершенного вида, и только примерно в трети случаев (если считать за 100% количество вхождений причастий, образованных от одной из основ) — от основы несовершенного вида.

Прежде чем делать выводы, вспомним, что в предыдущих диаграммах мы рассматривали возможность образования любого причастия, как совершенного, так и несовершенного вида. Рассмотрим теперь распределение по видам глаголов, которые образуют причастия совершенного вида.

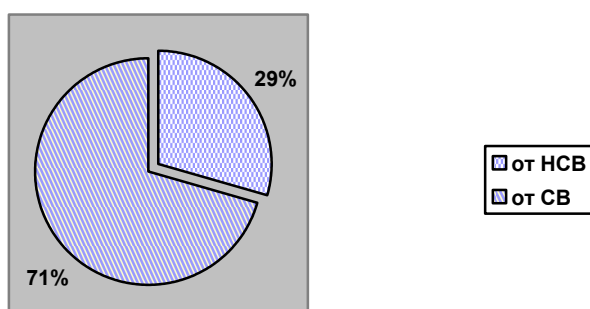

Диаграмма 6. Распределение для причастий совершенного вида

Всё так же преобладает совершенный вид, но и у несовершенного вида чуть менее тридцати процентов. Как будет показано ниже, существует некоторая зависимость вида причастия от акционального класса глагола. По А. А. Зализняку, все перфективные причастия на *-н/-т-* образуются от основы СВ за исключением глаголов, не входящих в каноническую видовую пару (то есть от собственно *imperfectiva tantum* или от глаголов, имеющих несколько коррелятов в СВ — они также считаются глаголами *tantum*, напр. *копить*) [Зализняк 1980: 86–87]. Статистика этого не подтверждает: среди всех имперфективных глаголов, образующих причастие СВ, непарными являются всего 26%.

Однако приведённые на последних страницах рассуждения и диаграммы верны только в том случае, если мы рассматриваем данные исключительно на уровне синхронии. Если обратиться к диахронии, то станет ясно, что случаи типа *утверждать* — *утвердить* — *утверждённый* являются следствием фонетического чередования, совершенно регулярного в диахронии, но не продуктивного в данный момент. В некотором смысле, возможно, имеет смысл в таком случае вовсе не противопоставлять основы несовершенного и совершенного вида, поскольку перед нами одна основа, меняющая свой конечный согласный под действием последующего гласного следующей морфемы. Соответственно, сложно ставить

вопрос о том, от какой основы образуется причастие. Но даже если утверждать, что причастие образуется в этом случае от основы совершенного вида (как поступает, в частности, и А. А. Зализняк), то мы сталкиваемся с другой опасностью. Дело в том, что если мы обращаемся к диахронии в данном случае, для соблюдения последовательности исследования мы вынуждены будем поступать так же и в других вопросах, например, при установлении производности или непроизводности возвратного глагола. Глагол *являться* (в значении *быть*) окажется производным от *являть*, *казаться* — от *казать*, *садиться* — от *садить*, а *находиться* (где) — от *находить*, что при их смысловом отдалении (особенно в случае глагола *казаться*) нежелательно. В силу всего этого адекватное и единственно правильное решение об образующей основе на данный момент развития языка дать сложно; если же подходить к вопросу чисто формально и исключительно на синхронном уровне, то мы получаем те результаты, которые представлены на диаграммах выше.

В любом случае можно сделать следующий вывод: суффикс *-н/-т-* сам по себе не является перфективизатором. Таким образом, за причастием остаётся результативное (или, более общо, событийное) значение, которое при этом требует перфективизации, осуществляемой за счёт других средств (ведь результатива в русском языке не бывает без перфективности). В то же время понятно, что если причастие уже образовано от совершенного вида, то оно не участвовало в перфективизации; но даже в тех случаях, когда причастие (формально и на синхронном уровне) образуется от основы несовершенного вида, приходится признать, что за переход в совершенный вид причастная форма ни коим образом не отвечает — и это при том, что, образуясь от основы НСВ, никаких других показателей совершенного вида на себе форма не несёт. Однозначного ответа на этот вопрос дать пока не представляется возможным.

Подведём промежуточные итоги:

- ♦ постфикс *-ся*: возвратный перфективный пассив существует, вопреки утверждениям многих учёных. Доля пассивных возвратных глаголов совершенного вида составляет около 30% от общего числа глаголов;
- ♦ страдательное причастие прошедшего времени на *-н/-т-*: помимо общеизвестного факта, что существуют, пусть и в ограниченном количестве, причастия несовершенного вида на *-н/-т-*, среди причастий совершенного вида наблюдается на синхронном расхождении в выборе основы, от которой причастие образуется. Обращение к диахронии влечёт за собой определённые теоретические проблемы.

Взаимное распределение по виду

Теперь мы подходим собственно к ответу на вопрос, существует ли между средствами образования русского пассива дистрибуция по виду. Некоторые выводы мы могли сделать уже из диаграмм выше — в частности, понятно, что если бы каждый из пассивизаторов употреблялся только в одном из видов или образовывался бы от глаголов только одного вида, то можно было бы утверждать, что дополнительная дистрибуция есть. Пока же мы только наблюдали тенденции: так, более чем в 60% случаев возвратные глаголы имперфективны, а глаголы, образующие страдательное причастие на *-н/-т-* в том же количестве случаев перфективны. Теперь настало время соотнести эти данные и получить точный ответ на поставленный вопрос.

Всего возможных комбинаций одновременной присоединяемости пять:

1. Образуется только пассивный возвратный глагол и причастие на *-м-*;
2. Только пассивный возвратный глагол и причастие на *-н/-т-*;
3. Только причастие на *-м-* и причастие на *-н/-т-*;
4. Все три средства;

5. Только одно средство;
6. Пассив не образуется.

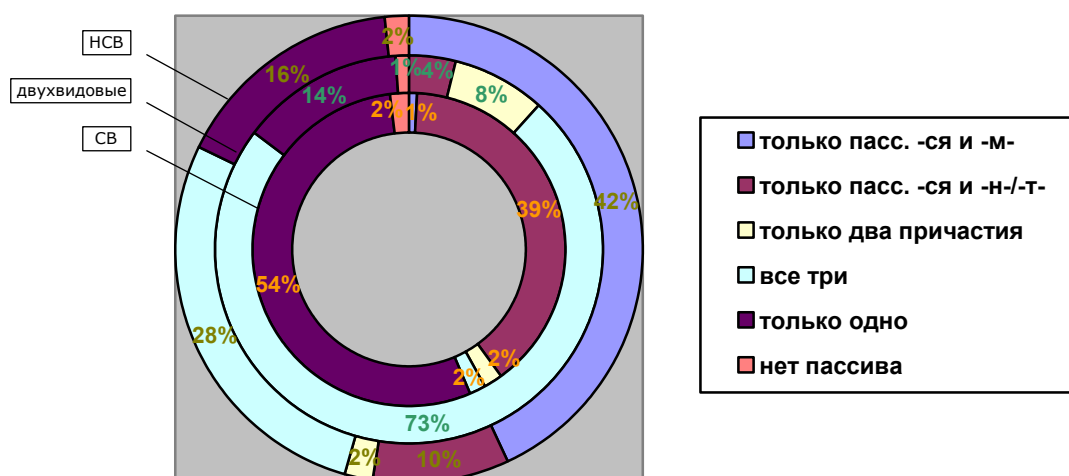

Диаграмма 7. Комбинации в зависимости от вида

Чтобы не перегружать эту диаграмму, мы не стали раскрывать пункт 'только одно' на три разных в зависимости от того, какой именно пассивизатор образует страдательный залог в одиночестве. Как мы видим, доля этого варианта велика, поэтому имеет смысл раскрыть его — результаты представлены ниже.

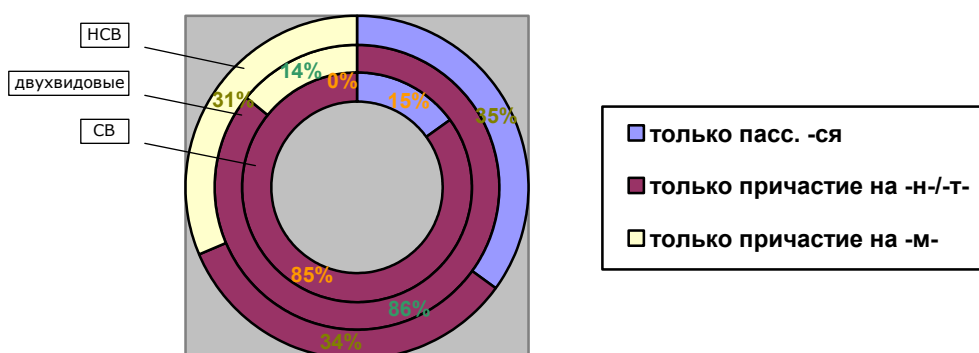

Диаграмма 8. Каким именно средством образуется пассив

Частично результаты соответствуют нашим ожиданиям: а именно, глаголы несовершенного вида чаще образуют возвратный глагол и причастие на *-м-*, а глаголы совершенного вида — возвратный глагол и причастие на *-н/--т-*. Но, как мы видели, глаголы НСВ также достаточно часто образуют и страдательное причастие совершенного вида, а глаголы СВ причастия на *-м-* не образуют практически никогда, поэтому вариант «все три» у глаголов НСВ получил значительную процентную долю, а у глаголов СВ не получил практически ничего. Тем не менее, в десяти процентах случаев и глаголы несовершенного вида ведут себя так же, как глаголы СВ, образуя только возвратный глагол и причастие на *-н/--т-*. В этом случае глагол, однако, чаще всего обозначает длящееся действие: дополнительный запрос по акциональному классу этих глаголов демонстрирует

преобладание сильных предельных и непредельных глаголов при доле пунктивных глаголов 15%, что значительно меньше их средней доли.

Реже всего встречается факт образования только двух причастий, но не возвратного глагола — в среднем около десяти-пятнадцати глаголов в каждом из видов; только в силу меньшего общего числа двухвидовых глаголов эти случаи, как можно видеть, получили в процентном соотношении бóльшую долю.

Наконец, вариант ‘только одно’ получил во всех трёх видах не менее седьмой части всех случаев; если у двухвидовых глаголов и глаголов несовершенного вида это вполне умеренная доля, то в случае глаголов СВ таких больше половины. Это очень интересный факт, показывающий, что глаголы совершенного вида более избирательны в образовании пассива; даже если, как мы видим, нельзя говорить о дополнительной дистрибуции пассивизаторов по виду, мы наблюдаем различие в поведении глаголов разных видов относительно приемлемости комбинаций средств образования страдательного залога. Глаголы совершенного вида предпочитают образовывать пассив с помощью только причастия на *-н-/-т-*. Доля таких случаев в варианте ‘только одно’ даже несколько превышает долю варианта ‘пассивное *-ся* и причастие на *-н-/-т-*’.

При этом, безусловно, не стоит забывать о значительном количестве глаголов совершенного вида, которые для образования пассива используют только постфикс *-ся*, факт удивительный. Возвратный перфективный пассив не просто существует: есть глаголы, которые образуют страдательный залог только таким способом. Чаще всего причина тому чисто формальная: причастие образуется от парной основы НСВ (*прекратиться*, но *прекращать* — *прекращён*); но если считать пассивом конструкции типа *Мне захотелось её обнять* (на что есть основания), то в этом случае причастие не образуется ни от одной из основ.

Из второй диаграммы видно, что глаголы несовершенного вида, даже если они выбирают только одно из средств, выбирают их весьма равномерно, практически поровну каждого. Двухвидовые глаголы тяготеют к причастиям на *-н-/-т-*, благо они свободно образуются от глаголов обоих видов. Возвратные же глаголы от двухвидовых глаголов образуются вовсе не так часто, как мы могли бы ожидать.

Итак, на данный момент можно сделать интересные выводы относительно поведения глаголов разных видов при образовании пассива разными средствами. А именно: различие имеется не столько в том, что глаголы определённого вида предпочитают определённое средство (хотя и такая тенденция есть; особенно она заметна в случае причастий на *-н-*, но иначе быть и не могло), сколько в том, насколько глаголы определённого вида гибки в выборе пассивизатора.

3. 3. Акциональный ярлык и возможность замены

Почему есть смысл обратить внимание на акциональные ярлыки возвратных глаголов и причастий в предложениях? Значимость этих категорий для образования пассива отмечена многими лингвистами. Практически каждый исследователь, который каким-нибудь образом касался темы либо дистрибуции пассивизаторов, либо даже исключительно русских страдательных причастий на *-н-/-т-*, отмечал различия в том, к какого типа ситуации идёт отсылка в зависимости от формы или контекста. Наиболее полно этот вопрос рассматривается применительно именно к причастиям — это вопрос акциональных и статальных причастий.

В рамках настоящей работы не представляется возможным привести все статистические данные о влиянии акциональных характеристик лексики и словоформы на выбор типа пассивной конструкции. Мы рассмотрим только одну, самую яркую, статистику возможности замены причастия на *-н-/-т-* на пассивный

возвратный глагол в конкретном примере (например, *Дом был построен* на *Дом строится*) в зависимости от акционального ярлыка заменяемого причастия. Может оказаться, что причастия с определённым ярлыком чаще заменяются на пассивные возвратные глаголы, чем другие причастия.

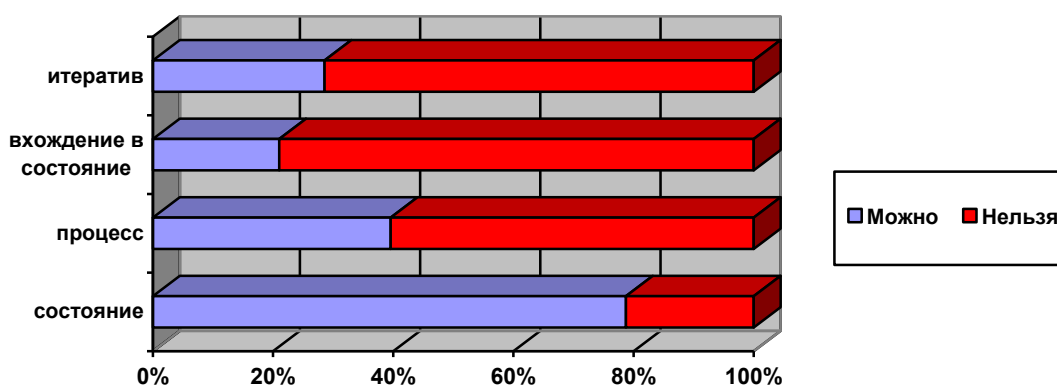

Диаграмма 9. Возможность замены причастия на -н/-т- на возвратный глагол в зависимости от акционального ярлыка

Ярлык «состояние» гораздо чаще других позволяет заменить причастие на глагол. Этот факт может показаться противоречивым: ведь известно, пусть и с исключениями, что причастие имеет тенденцию обозначать состояние и тем самым как бы резервирует за собой этот ярлык — тогда весьма странно, что именно этот ярлык проявляет наибольшую «толерантность». При этом мы, однако, забываем, что замена стального причастия на глагол не означает сохранения стивности: глагол может получить другой ярлык. Если принять во внимание этот момент, ситуация проясняется, поскольку тогда мы можем утверждать примерно следующее: если причастие обозначает состояние, то оно позволяет заменить себя на глагол, чтобы эта пара пассивных форм охватила все возможные акциональные значения; если же причастие обозначает, например, процесс, то есть имеет ярлык, вполне характерный и для возвратного глагола, то в возвратном глаголе остаётся меньше необходимости, ведь он не изменит акционального ярлыка причастия. **Таким образом, распределение по акциональным ярлыкам может проявляться в «разделении сфер влияния», а не как дополнительная дистрибуция.**

Чтобы проверить наше предположение, необходимо изучить статистику изменения акционального ярлыка для тех элементов базы, в которых замена пассивизатора возможна (представлены только относительно многочисленные варианты):

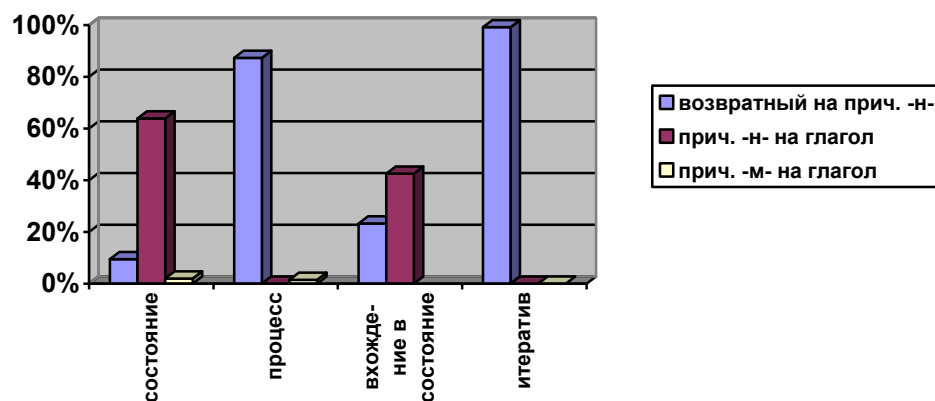

Диаграмма 10. Изменение акционального ярлыка при замене (обзор)

На этой диаграмме можно наблюдать три пиковых значения, превышающих 60%. Как мы и предполагали, ярлык «состояние» у причастий действительно часто изменяется при подстановке возвратного глагола. Что же касается ярлыков «процесс» и условного ярлыка «итератив» для возвратных глаголов, то словоформы, являющиеся носителями этих ярлыков, как видно из предыдущих диаграмм, заменяются на причастие не чаще остальных. В данном случае ярлык сменяется из-за того, что эти два ярлыка весьма редко встречаются с причастиями, в то время как ярлыки «состояние» или «вхождение в состояние» — гораздо чаще. Это мы могли наблюдать на диаграммах раздела о страдательных причастиях на *-н-/-т-*. Отметим также, что заменяемое на глагол причастие на *-м-* практически всегда сохраняет свой ярлык. Это весьма примечательный факт.

На этом фоне выделяются стальные причастия на *-н-/-т-*, которые теряют свой ярлык не по причине отсутствия соответствующего ярлыка у возвратных глаголов, а с целью избежать избыточности и создать распределение, используя возвратные глаголы для обозначения акциональной сферы в противовес стальной. Таким образом, причастия данного типа участвуют в распределении по акциональности. Именно это и констатировали те исследователи русского пассива, которые постулировали дистрибуцию по акциональности; однако, как мы видим, о комплементарном распределении по акциональности всех причастий на *-н-/-т-* и возвратных глаголов речи идти не может.

4. Выводы

Если коротко сформулировать вывод, который можно сделать по итогам проведённого исследования вида и акциональности, то он будет таков: есть основания говорить о распределении (пусть и не о дополнительной дистрибуции) типов пассивных конструкций по виду (но виду самой формы) и акциональному ярлыку; последнее проявляется только при исследовании возможности смены типа конструкции в конкретном примере.

Важным результатом также является подтверждение существования возвратного перфективного пассива (в том числе и с агентивным дополнением в творительном падеже).

Интересные факты предоставило нам исследование акциональных ярлыков пассивных форм. Обратившись к возможности смены конструкции в конкретном

примере, мы обнаруживаем следующее: стальные причастия чаще заменяются на глаголы, при этом ярлык глагола чаще всего уже не будет «состоянием». Возвратные глаголы при замене на причастие на *-н/-т-* теряют свои ярлыки «процесс» и «итератив». Причастия на *-м-* при замене на возвратный глагол свой ярлык обычно сохраняют. Таким образом, можно констатировать определённое распределение: за возвратными глаголами оказываются закреплены ярлыки «процесс» и «итератив», а за причастиями на *-н/-т-* — ярлык «состояние». На пересечении «сфер влияния» этих двух типов конструкций находится ярлык «вхождение в состояние», который достаточно часто встречается как с возвратными глаголами, так и с причастиями на *-н/-т-* (хотя с последними — чаще). Презентные же причастия, по акциональным свойствам тяготея к пассивным возвратным глаголам, допускают замену скорее в зависимости от позиции в предложении.

Библиография

- Бондарко А. В., 1998. Проблемы инвариантности/вариативности и маркированности/немаркированности в сфере аспектологии. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 64–80. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Бондарко А. В., 2001. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. М.: Эдиториал УРСС.
- Бондарко А. В., 2004. К вопросу о семантической немаркированности несовершенного вида в русском языке. В сб. *Типологические основания в грамматике: К 70-летию В. С. Храковского* (отв. ред. А. П. Володин). С. 76–87. М.: Знак.
- Буланин Л. Л., 2001. О некоторых сложных проблемах категории залога. В сб. *Исследования по языкознанию: сборник статей к 70-летию А. В. Бондарко*. С. 163–169. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Гаврилова В. И., 1998. Краткое причастие на *-н/-т-* как форма стального вида страдательного залога. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 99–114. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Гловинская М. Я., 1989. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм. В сб. *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика*. С. 74–146. М.: Наука.
- Гловинская М. Я., 1998. Инвариант совершенного вида в русском языке. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 125–134. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Грамматика современного русского литературного языка* (отв. ред. Н. Ю. Шведова), 1970. М.: Наука.
- Зализняк А. А., 1980. *Грамматический словарь русского языка*. М.: Русский язык.
- Зализняк Анна А. и А. Д. Шмелёв, 2000. *Введение в русскую аспектологию*. М.: Языки русской культуры.
- Исаченко А. В., 1960. Русский язык в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2. Братислава.
- Кибрик А. Е., 1997. Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической информации // *Вопросы языкознания*. №4. С. 27–57. М.: Наука.

- Кибрик А. Е., 2003. *Константы и переменные языка*. Санкт-Петербург.: Алетейя
- Князев Ю. П. и В. П. Недялков, 1985. Рефлексивные конструкции в славянских языках. В сб. *Рефлексивные глаголы в индо-европейских языках: сборник научных трудов*. С. 20–39. Калинин: Калининский государственный университет.
- Копосов Д. Р., 2003. Страдательное причастие и имя прилагательное (механизмы различения и орфографический аспект). В сб. *Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых* (под ред. Н. А. Андрамоновой (отв. ред.) и М. А. Козыревой). С. 42–47. Казань.
- Милославский И. Г., 1978. Какому залогу принадлежит глагол «нравиться»? В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 208–213. Ленинград: Наука.
- Падучева Е. В., 1996. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Падучева Е. В., 1998. Систематизация понятий и терминов аспектологии // *Russian Linguistics*. Vol. 22. Pp. 35–58. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Перцов Н. В., 1999. Заметки об инварианте. В сб. *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика* (под ред. Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельца). С. 412–421. М.: Языки русской культуры.
- Перцов Н. В., 2001. *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Перцов Н. В., 2003. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // *Вопросы языкознания*. №4. С. 43–71. М.: Наука.
- Плунгян В. А., 1989. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) // *Вопросы языкознания*. №6. С. 55–63. М.: Наука.
- Плунгян В. А., 1998. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 370–381. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Пупынин Ю. А., 1991. Активность/Пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями. В сб. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. С. 211–239. Санкт-Петербург: Наука.
- Русская грамматика, 1980. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. II. Синтаксис*. М.: Наука
- Смолянинова М. И., 2001. К вопросу о семантических и других ограничениях в образовании страдательных причастий прошедшего времени. В сб. *Семантика. Функционирование. Текст*. Киров.
- Стрельцова М. И., 1978. О связи видо-временных и залоговых значений в причастиях на -м-, -н-, -т- в древнерусском языке. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 213–220. Ленинград: Наука.
- Татевосов С. Г., 2005. Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*. №1. С. 108–141. М.: Наука.
- Aijmer, Kristofer, 2002. Constraints on Passivisation: a Comparison of Voice in the Russian and Swedish Verb. In: *Komparativa studier i språk och litteratur. Gusli working papers 10. Institutionen för slaviska språk*. Pp. 11–46. Göteborg: Göteborgs universitet.

- Bertinetto, Pier Marco and Denis Delfitto, 2000. Aspect vs. Actionality: Why They Should Be Kept Apart. In: Östen Dahl (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Pp. 189–225. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Björklund, Martina, 2003. On the Russian agentive passive // *Glossos*. Vol. 4.
- Blevins, James P., 2003. Passives and impersonals // *Journal of linguistics*. Vol. 39. №3. Pp. 473–520. Cambridge.
- Dowty, David, 1991. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. Vol. 67. №3. Pp. 547–619. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Foley, William A. and Robert D. van Valin, Jr., 1984. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harrison, W., 1967. *Expression of the passive voice (Studies in the modern Russian language, 4–5)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath, Martin, 1990. The grammaticization of passive morphology // *Studies in Language*. Vol. 14. №1. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins B. V. — John Benjamins North America.
- Kazenin, Konstantin I., 2001. The passive voice. In: *Language Typology and Language Universals*. Vol. 2. Pp. 899–916. Berlin — New York: Walter de Gruyter.
- Timberlake, Alan, 1976. Subject properties in the North Russian passive. In: Li, Charles (ed.) *Subject and topic*. New York: Academic Press.
- Unbegaun, Boris O., 1975. *Russian grammar*. Oxford: Clarendon Press
- van Valin, Robert D. Jr., *The Syntax-Semantics-Pragmatics Interface: an Introduction to Role and Reference Grammar* (in print).